

Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи

Н.Е. Тихонова^{1а}

¹Центр исторических исследований, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0462-8711>, e-mail: nadezhdatikhonova@yahoo.com

Резюме: В статье рассматривается социально-политический «мусульманский проект», выдвинутый на рубеже XIX–XX вв. известным мусульманским деятелем, издателем и педагогом Исмаилом Гаспринским (1851–1914), в свете проблемы интеграции российских мусульман.

Ключевым фактором по обеспечению лучшей социальной мобильности мусульман в Российской империи представляются разнообразные инициативы Исмаила Гаспринского в сфере образования.

Кроме того, с первых лет издания собственной газеты «Переводчик-Терджиман» Исмаил Гаспринский систематически выступал за реструктуризацию и постепенную унификацию магометанских духовных правлений, считая важным наличие данного института с точки зрения рационализации управления мусульманами и сохранения их культурного партикуляризма.

Многим позже, на фоне Русской революции 1905–1907 гг., данная идея выстроилась в парадигму «национально-культурной автономии» для российских мусульман. Эту идею, в частности, выдвигал Всероссийский мусульманский союз, в руководство которого входил и Гаспринский.

В статье утверждается, что, несмотря на постепенную трансформацию освещавшихся в рамках данного проекта вопросов, в нем прослеживается двойственная, но последовательная цель. С одной стороны, стремление консолидировать российских мусульман как особую группу имперских подданных и донести до них информацию об имеющихся в империи потенциальных социальных возможностях, а с другой – показать властям готовность мусульман к интеграции (но не ассимиляции) в имперский социум.

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

Тихонова Н.Е.

Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в
социально-политическое пространство Российской империи

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский; «Переводчик-Терджиман»; российские мусульмане; магометанские духовные правления

Для цитирования: Тихонова Н.Е. Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(3):604–620. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-3-604-620

Информация о спонсорстве: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Isma'il Gasprinsky on integration of Muslims into socio-political space of the Russian Empire

N.E. Tikhonova^{1a}

¹Centre for Historical Research, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Saint Petersburg, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0462-8711>, e-mail: nadezhdatikhonova@yahoo.com

Abstract: The article examines the socio-political “Muslim project” put forward at the turn of the XIX–XX centuries by the famous Muslim figure, publisher and teacher Isma'il Gasprinsky (1851–1914), in the light of the problem of integration of Russian Muslims.

A key factor in ensuring better social mobility of Muslims in the Russian Empire is the diverse initiatives of Isma'il Gasprinsky in the field of education.

Moreover, Isma'il Gasprinsky consistently advocated for restructuration and gradual unification of the Muslim spiritual assemblies in his own “Perevodchik-Terjiman” newspaper. At the same time, he justified the existence of this institution as a rational governing body for imperial Muslim subjects.

Under the circumstances of the Russian Revolution of 1905 his attitude towards unification of Muslim spiritual assemblies has evolved into a paradigm of “national-cultural autonomy” for Russian Muslims. This idea, in particular, was proposed by the All-Russian Muslim Union, affiliated with Gasprinsky.

This article argues that despite the questions, which this project posed, gradually transformed, the project itself kept following its dual, though, consistent aim. On the one hand, to consolidate Muslims as a particular group of subjects and inform them about the potential social opportunities in the imperial society, on the other, to assure the official authorities that imperial Muslims are eager to be integrated (not assimilated, though).

Keywords: Isma'il Gasprinsky; “Perevodchik-Terjiman”; Russian Muslims; Muslim Spiritual Assemblies

For citation: Tikhonova N.E. Isma'il Gasprinsky on the integration of Muslims into socio-political space of the Russian Empire. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(3):604–620 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-3-604-620

Sponsorship Information: This article is an output of a research project implemented as a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

«Между нами [российскими мусульманами] *вовсе нет просвещенных, сведущих и понимающих время людей, а в них мы часто нуждаемся как в болезнях, так и в здоровом состоянии*», – писал в 1883 г., в первый год издания своей газеты «Переводчик-Терджиман»¹ (далее – «Терджиман»), известный мусульманский деятель поздней Российской империи Исмаил Гаспринский (1851–1914). Под словами «сведущие» и «понимающие время» он подразумевал совершенно конкретные качества, а именно: достаточный уровень образования, позволяющий занять позиции в имперской иерархии, и прогрессивные взгляды. «Чтобы эти люди были, – продолжал он, – *надо, чтобы дети наши, хоть дети людей состоятельных, учились, чтобы быть чиновниками, докторами, судьями, адвокатами и прочее. Училищ в России много; права нам даны достаточные*» [1]².

Подобные заявления Гаспринского показывают наличие не только потенциального «запроса» в среде мусульман занимать определенные должности, но и соответствующих возможностей в имперском обществе. Так, пореформенный период 1880-х гг., когда Гаспринский публично выступил с социально-политическим проектом для российских мусульман, открывал для них более широкие социальные, в том числе карьерные, возможности. В частности, как показал на примере Казани и Крыма Штефан Кирмсе в своей книге «Законная империя» (The Lawful Empire), введение в России в период Великих реформ 1860–70-х гг. новых судов создало более инклюзивную среду для мусульман этих регионов сравнительно с предшествующим периодом [2, с. 275–294]. В новой судебной си-

¹ Газета «Переводчик-Терджиман» (араб. Тарджуман/ترجمان; тат. Тәржеман; крымско-тат. Терджиман; турец. Tercüman) издавалась с 1883 по 1918 гг. в г. Бахчисарае. Сам Гаспринский возглавлял газету до 1914 г., затем она перешла по наследству его старшему сыну Рефату. Данная газета до 1905 года издавалась параллельными текстами на двух языках (русском и тюркском), что и определило ее название. С 1906 г. русский раздел газеты был значительно сокращен, а двуязычные материалы газеты отныне не представляли собой параллельный перевод, являясь самостоятельными публикациями.

² Здесь и далее по тексту приводятся цитаты из русскоязычной части «Переводчика-Терджимана», если особо не оговорено иное. Перевод тюркоязычных статей на русский язык – автора статьи [Н. Т.].

стеме мусульмане отныне могли выступать не только сторонами судебных процессов, но и судьями, адвокатами, переводчиками. Возможности вертикальной социальной мобильности для них оставались, однако, ограниченными.

Вместе с тем период правления двух последних российских императоров Александра III и Николая II ознаменовался усилением национализирующей политики центра и попытками создать «национальное государство» в многоликой, поликонфессиональной империи [3]. В Российской империи при этом не сложилось единообразной, последовательной политики в отношении многонационального населения. Джейн Бурбанк охарактеризовала эту систему как «режим имперских прав» (*imperial rights regime*), суть которой заключалась в дифференцированном управлении неоднородными группами подданных, объединенных по признаку сословной, конфессиональной или этнической принадлежности [4]. Существовавшая система признавала и во многом закрепляла культурные различия внутри населения империи, однако применялась в отношении разных групп подданных неравномерно и не всегда систематически.

Проект Гаспринского, таким образом, с одной стороны, может рассматриваться как ответ на вызовы «сверху» и отражение сложной имперской системы управления. С другой же, он направлялся на внутреннюю консолидацию мусульман как отдельной группы подданных. В этом ключе он охватывал именно те сферы мусульманской жизни, обновление которых могло обеспечить более успешную интеграцию российских мусульман в имперское социально-политическое пространство, а именно: реформирование традиционной мусульманской системы образования согласно «новому методу» (*усуль-и джадид*)³ и популяризация светского образования как такового, а также реструктуризация существующих магометанских духовных правлений [5].

Вклад Гаспринского в развитие мусульманского сообщества широко известен и, как представляется, не требует детальных пояснений. Сам Гаспринский признан выдающимся мусульманским просветителем и реформатором. Предлагаемые им реформы при этом направлялись на модернизацию по европейской модели. Как отмечали в своих работах Э. Лаззери и М. Туна, европейские представления о модерности оказали заметное влияние на дискурс Исмаила Гаспри-

³ «Новый метод» (*усуль-и джадид*) преподавания в мектебах подразумевал внедрение звукового метода при обучении чтению и письму на тюркских языках на арабской графике, а также введение общеобразовательных дисциплин (математики, географии, истории, русского языка) в дополнение к религиозным предметам. В контексте медресе «новый метод» приобрел значение секуляризации и профилизации их учебной программы.

нского и его единомышленников-мусульман [6; 7]. Однако, признавая подобное влияние, важно отметить, что «мусульманский проект» Гаспринского окончательно сложился к началу XX вв., когда в России уже сформировался слой по-европейски образованных мусульман, говорящих на языке европейской модерности, но стремившихся дать ответы на вызовы, возникшие именно в контексте империи, в частности, на такой из них, как социальная мобильность мусульман.

В данной статье, таким образом, предлагается рассмотреть проект Гаспринского с точки зрения проблемы интеграции мусульман в имперский социум. В качестве основного источника исследования использованы двуязычные материалы газеты «Переводчик-Терджиман» за 1883–1914 гг., которая являлась центральной информационной платформой для обсуждения «мусульманского вопроса» в Российской империи и до 1905 г. практически не имела конкурентов в лице других мусульманских периодических изданий.

«Мусульманский проект» Исмаила Гаспринского в имперском контексте

Еще до начала издания газеты «Терджиман» Гаспринский в своей брошюре «Русское мусульманство: мысли, заметки, наблюдения мусульманина» (1881) предложил властям придерживаться системы управления многонациональным населением империи, основанной на стремлении *«к единению нравственному, так сказать, к нравственной, духовной ассимиляции на принципах национальной индивидуальности, свободы и самоуправления»* [8, с. 92]. Его предложение о «самоуправлении», по всей видимости, отражало существовавшую политическую систему, в рамках которой *«множество правовых режимов, легализованных внутри империи, одновременно утверждало верховную власть российского правления и позволяло населению в значительной степени управляться самим»* [4, с. 402].

Гаспринский в целом мыслил свой «мусульманский проект» не в изоляции, а как часть имперской ситуации, регулярно ссылаясь на положение других этноконфессиональных групп, населявших империю. В качестве положительного примера управления Гаспринский приводил, в частности, Главное управление Армяно-григорианской церковью, указывая, к примеру, на то, что *«Г.⁴ Католикос армян и члены духовного управления отличаются обширным духовным и светским образованием. Они одинаково хорошо понимают, что нужно для молитвы и для жизни народа»* [9]. В подобных утверждениях подчеркивалась

⁴ Господин.

важная роль духовных правлений не только как религиозных институтов, но и как административных учреждений, ведающих внутренней жизнью населения.

То, что Гаспринский указывал на наличие светского образования у членов армянского духовного правления, в целом было созвучно его представлению о важной административной функции духовенства в имперской системе управления. В отношении духовных правлений мусульман в этой связи он, в частности, заявлял: *«В Персии, Бухаре знание муфтием только духовных наук быть может достаточно; там он лицо духовное и судья духовный, но в России муфтий кроме того гражданский сановник и представитель мусульман перед правительством и судом»* [10].

Свою позицию Гаспринский подкреплял также примерами, когда высшую ступень в духовной иерархии (должность муфтия) занимало «лицо светское». *«В 1878 году впервые раздался голос за избрание в муфтии лица со светским образованием. Через пять лет идея настолько окрепла уже, что в муфтии был избран ротмистр гвардии покойный князь Али-бей Хункалов. Несмотря на краткую службу, теперь нет в Крыму мусульманина, который бы не поминал его добром. О муфтии-мулле перестали думать даже сами муллы, поняв, что положение его обязывает быть просвещенным администратором»* [11], – писал он в «Терджимане» в 1890 г. Интересно, что впоследствии Гаспринский упоминал Таврического муфтия А. Хункалова и Оренбургского муфтия С. Тевкелева (который являлся отставным офицером) в числе лиц, оказавших поддержку изданию «Терджимана» [12].

Подобная структура, когда во главе духовного правления стоит не «муфтий-мулла», а «муфтий-администратор», для Гаспринского и его единомышленников имела стратегическое значение. Она позволяла расширить возможности социальной мобильности для той части мусульманского населения (в первую очередь, из числа привилегированных сословий), которая не имела доступа к управлению мусульманским населением в отличие от «духовной касты» (термин Гаспринского).

В этой связи Гаспринский до 1905 г. выступал за расширение круга лиц, допущенных к выборам Таврического муфтия, которого затем утверждал в должности император, предлагая дополнить выборщиков из дворян, духовных лиц и старшин от сельского населения представителями купцов 1-й и 2-й гильдий, а также городскими и земскими гласными из числа мусульман [13]. В этой же связи

проводилась идея о необходимости замены пожизненного избрания кади-аскеров⁵ и кадиев на пятилетний срок службы [13].

После 1905 г. подобные предложения трансформировались в требования всеобщих выборов муфтия на пятилетний срок с возможностью его смещения в случае неудовлетворения требованиям должности [14; 15].

В революционный период 1905–1907 гг. Гаспринский и другие члены Всероссийского союза мусульман (*Бутюн Русия мусульманларнын иттифакы*) предлагали сохранить, но существенно реформировать духовные правления как институт власти, унифицировав их и передав контроль над ними из ведения государства в руки мусульманского населения, тем самым предоставив мусульманам «национально-культурную автономию» [16]. Параллельно с этим идея о всеобщем стремлении мусульман реформировать свои духовные правления систематически проводилась в этот период и в «Терджимане» [17; 18].

Гаспринский, в свою очередь, еще задолго до Первой русской революции выступал за унификацию деятельности существовавших духовных правлений (Оренбургского, Таврического и двух Закавказских), отмечая, в частности: *«Еще более пользы принесла бы мусульманскому обществу согласная, **однообразная деятельность всех наших духовных управлений**. Если бы достопочтенные муфтии Крыма, Оренбурга и Закавказья, при непременно участии г. шейх-уль-исляма, обдумав, обсудив ближайшие нужды своей паствы, обменялись бы мнениями друг с другом и затем сообща вели дело каждый в своем районе, придерживаясь, однако, общего принципа, или сообща возбуждали ходатайства, когда в том представлялась бы надобность, то деятельность их дала бы более солидные результаты, чем мы видели до сих пор»* [19].

Исмаил Гаспринский подобными заявлениями транслировал идею о том, что наличие нескольких самостоятельных духовных правлений в Российской империи усложняло без того неравномерное управление мусульманами из разных регионов, имевших к тому же различия в правовом положении. К примеру, мусульманское население Башкирии обладало уникальным правом коллективной собственности на землю [20], а туркестанские мусульмане, в отличие от мусульман других регионов, не только не имели собственного духовного правления, но еще и подразделялись на «обычников» (киргизы) и «шариатников» (сарты), что подвергалось систематической критике в «Терджимане» [21].

⁵ Военные шариатские судьи.

Призывы Гаспринского к «единообразной деятельности» всех четырех духовных правлений, таким образом, с одной стороны, предполагали рационализацию существовавшей имперской системы управления, а с другой, способствовали реализации его «мусульманского проекта», нацеленного на консолидацию мусульман как отдельной группы имперских подданных.

Так, согласно представлениям Гаспринского, мусульмане как особая группа должны были иметь администраторов из своего круга. При этом в русской части «Терджимана», ориентированной на широкую общеимперскую публику, в том числе на представителей официальных властей, подчеркивалось, что **«в интересах управления нашими мусульманскими областями было бы целесообразно способствовать подготовке мусульман к служебной деятельности в местной администрации»** [22].

При этом в параллельном тюркском тексте вышеуказанной статьи, ориентированной в большей степени на самих мусульман, указывалось, что несение государственной службы является их законным правом и отвечает их интересам. **«Если среди мусульман много знающих русский язык и изучивших [российские] законы и порядки, то государственная и чиновничья служба, без сомнения, это их право. <...> В настоящее время чиновники из числа мусульман присутствуют в разных отраслях. Однако, по одному или по два, то есть их совсем мало. <...> Ввиду того что от ремесленных наук и просвещения будет польза и им самим [мусульманам], и государству, этому вопросу необходимо уделить внимание»**, – говорилось в газете [22].

Как видно из приведенного примера, по-разному ставились акценты в русском и тюркском текстах двуязычного «Терджимана», что отвечало представлениям соответствующей целевой аудитории (русских или мусульман). Если по-русски говорилось об общегосударственных интересах и подтверждалась готовность мусульман интегрироваться в имперский социум, то в тюркском варианте акцент смещался на внутримусульманские интересы, открывавшиеся в случае их успешной интеграции.

Примечательно, что в 1889 г. Гаспринский выпустил по вопросу успешной модели интеграции в современном обществе специальную брошюру «Доходные и торговые войны» (*Кясб ва тиджарат мухарабасе*) на тюркском языке, в которой он обосновывает необходимость получения мусульманами профильного образования и изучения русского и европейских языков для выживания в условиях капиталистической конкуренции [23]. В частности, в брошюре указывалось:

*«В первую очередь мы должны предоставить студентов тем школам, где обучают и преподают ремесло и производство, и вырастить мастеров. <...> для обучения богословию едут в Бухару, Стамбул или Египет, откуда вышли все наши улемы; **для обучения профессии и мастерству поступают в русские и европейские школы.** <...> Имеющиеся сегодня у русских в России профессии, производство и разного рода методы, как и во всей Европе, были заимствованы у французов. <...> Для нас же обучение и путь к мастерству еще проще: **если бы мы обучились существующим профессиям, если бы перевели на татарский язык русские книги о ремеслах и ресурсах – этого было бы достаточно**» [23, с. 14–15]⁶.*

Идею Гаспринского о том, что просвещение мусульман и подготовка локальных администраторов из их числа отвечает обоюдным интересам как мусульманского населения, так и имперских властей, убедительно резюмирует следующая цитата из «Терджимана»: «... а между тем, их [мусульман] **личные интересы и пользы государственные** должны бы вызывать заметный прирост просвещенных, культурных мусульман» [22].

«Мусульманское население нашего отечества одинаково нуждается как в подготовленных педагогах, так и в развитых переводчиках и чиновниках в разных отраслях местной администрации», – продолжал ту же мысль Гаспринский в другой статье, предлагая преобразовать государственные русско-татарские учительские школы в сторону расширения их программы для подготовки из числа мусульман не только учителей, но и государственных служащих разного профиля [24].

Критикуя узкую специализацию этих школ, Гаспринский в то же время поднимал в своей газете вопрос о непропорционально большом числе выпускников-мусульман с учительской специализацией относительно реального количества вакантных позиций. «Некоторые из окончивших в этом году Симферопольскую татарскую учительскую школу молодых людей обратились к нам, справая, не известно ли нам, какие учительские вакансии среди мусульман ведомства Оренбургского духовного правления, куда они могли бы быть приняты учителями <...> Наше настоящее и тому подобное содействие, даже если поведет к какому-нибудь результату, но все же оно есть и останется случайным, помогая выбиться из трудного положения только некоторым», – указывал он в «Терджимане» [25].

В качестве еще одного важного аспекта данной проблемы Гаспринский называл неполноценность аттестатов этих школ, которые не предоставляли права

⁶ Перевод автора статьи [Н.Т.].

выпускникам в дальнейшем поступать в вузы [25]. Гаспринский в этой связи отмечал в другой своей статье, что расширение программы русско-татарских учительских школ для приведения ее в соответствие с программой реальных гимназий позволило бы выпускникам продолжить обучение в университетах [24]. Тем самым доступ к высшему образованию как залог успешной интеграции мусульман открыто лоббировался в газете.

«Терджиман» был также вовлечен в процесс распределения частных стипендий и благотворительных средств для материальной поддержки университетских студентов из числа мусульман. Более того, в газете публиковались объявления о специальных стипендиях для мусульманок, как, например: *«Землевладелец Феодосийского уезда Аджи⁷ Сулейман-ага Бейтуллаев предлагает нуждающимся мусульманкам две стипендии по 350 рублей каждая для прохождения медицинского факультета. Стипендиатки должны обязаться прослужить в Крыму по пяти лет»* [26]. Таким образом, вопрос образования перекликался с «женским вопросом», направленным на социализацию женщин и их вовлечение в профессиональную деятельность.

Кроме того, в газете Гаспринского вопрос получения высшего образования представлялся как залог успешной социальной мобильности, значительно ограниченной в сословном российском обществе, особенно для мусульман из непривилегированных слоев. *«Из мусульман дворянского (бекского) сословия уже бывали окончившие университет, но еще не было примера, чтобы **высшее образование получил татарин из других сословий**. Счастливым первенцем в этом случае является деревской уроженец Ахмед-ага Бекиров, блистательно окончивший юридический факультет Новороссийского университета. Бекиров посвящает себя присяжной адвокатуре (Симферополь)»*, – отмечалось в «Терджимане» [27].

Важность доступа мусульман к высшему образованию демонстрировалась в газете также на примере собственной семьи издателя. В частности, в ней сообщалось, что старший сын Гаспринского Рефат окончил Симферопольскую мужскую казенную гимназию, после чего поступил на юридический факультет (Казанского университета) [28].

Помимо высшего «светского» образования, Гаспринского занимал также вопрос реформирования высшей ступени религиозного образования мусульман (медресе). Так, при его непосредственном содействии была предпринята попытка реформирования бахчисарайского медресе «Зынджырлы», в программу которо-

⁷ Крымско-татарское звучание почетного мусульманского титула «Хаджи».

го входили кроме богословских дисциплин также светские предметы [29]. Таким образом, это крупнейшее медресе Крыма могло отныне готовить «прогрессивных» духовных лиц, то есть потенциальных единомышленников Гаспринского.

Предлагая включение преподавания русского языка и правоведения в этом и других медресе Российской империи, Гаспринский, в том числе, выступал за подготовку квалифицированных, компетентных кадров для магометанских духовных правлений. *«Почти 10 лет назад в брошюре нашей ("Русское мусульманство", 1881) мы предлагали проект высших медресе, где бы **будущие духовники мусульман** и вообще учащиеся приобретали не только религиозные познания, но проходили бы на родном языке элементарный курс общеобразовательных наук, **изучали бы русский язык и начала русского правоведения**»,* – писал он по этому поводу в «Терджимане» [30].

Таким образом, до 1905 г. основное внимание газеты в контексте образования было сосредоточено на таких вопросах, как реформирование мусульманских мектебов и медресе согласно «новому методу» и их популяризация, а также реорганизация государственных школ и училищ для мусульман с целью расширения их программы и доступа мусульман к высшему образованию.

Но уже начиная с 1905 г. в «Терджимане» стала открыто отстаиваться идея образовательной автономии для мусульман, как представляется, ввиду следования одному из ключевых требований III Всероссийского мусульманского съезда, проведенного в августе 1906 г. в Нижнем Новгороде [16]. В этом ключе в «Терджимане», в частности, критике подвергалась передача мусульманских школ из ведомства Оренбургского магометанского духовного собрания под управление Министерства народного просвещения в 1870-х гг. *«Конфессиональные мусульманские школы, бывшие в заведовании Оренбургского магометанского духовного собрания, были взяты в ведомство министерства народного просвещения. И за целое 30-летие этого ведения для этих школ ровно ничего не сделано, кроме того, что мусульманское население было запугано и раздражено»,* – отмечалось в этой связи в газете [31].

Кроме того, в новых социально-политических условиях после 1905 г. Гаспринский стал выступать за необходимость унификации образовательной системы для всех российских мусульман. С этой целью в «Терджимане» подчеркивалось, в частности, что ходатайства мусульман из разных регионов касательно образования заключали близкие по содержанию требования: образование на род-

ном языке, обновление школьной программы, обеспечение прав мусульманских студентов и преподавателей и т. д. [32].

Заключение

В пореформенный период 1880–1890-х гг. «мусульманский проект» Гаспринского можно охарактеризовать как стремление обеспечить условия для лучшей интеграции консолидированного мусульманского сообщества в имперское социально-политическое пространство.

Важно отметить, что Гаспринский в своем проекте апеллировал к имперским категориям и стремился, с одной стороны, донести до единоверцев открывавшиеся социально-политические возможности модернизирующейся империи, а с другой, транслировать для официальных властей позицию о готовности мусульман интегрироваться.

В этой связи можно утверждать, что в газете «Терджиман», являвшейся важной информационной платформой по обсуждению «мусульманского вопроса» в Российской империи, присутствовали как минимум две дискурсивные стратегии, ориентированные на разные языковые аудитории.

Примечательно также, что Гаспринский в «Терджимане» призывал не к упразднению, а к преобразованию и реструктуризации магометанских духовных правлений и различных образовательных учреждений (таких как русско-татарские учительские школы), то есть именно тех институтов, которые легитимировали существование империи.

В контексте проекта Гаспринского реформирование духовных правлений и предложения по их унификации становятся важным фактором, гарантирующим внутреннюю консолидацию мусульман как отдельной группы имперских подданных. При этом предложения расширить состав магометанских духовных правлений за счет администраторов из числа светских лиц указывают на внутримусульманский «запрос» (в первую очередь, среди мусульман из привилегированных сословий, не имеющих религиозного образования), нацеленный на расширение их карьерных возможностей в подобных имперских управленческих институтах.

Проблема интеграции мусульман на страницах «Терджимана» нашла, пожалуй, наиболее полное освещение в вопросах образования. Высшее образование, в частности, представлялось ключевым фактором социальной мобильности мусульман. Таким образом, выходя за рамки дискурса о «новометодном» обуче-

нии, можно заметить, что просветительская деятельность Гаспринского имела под собой совершенно конкретные практические цели.

После революции 1905 г. «мусульманский проект» Гаспринского последовательно трансформировался в требования о предоставлении мусульманам «национально-культурной автономии». Но даже в новых социально-политических условиях мусульманские лидеры, включая Гаспринского, предлагали в значительно реформированном и унифицированном виде сохранить такой имперский институт, как духовное правление. Вопрос мусульманской «национально-культурной автономии» подразумевал, в частности, образовательную автономию. Многие предложения мусульман в этой связи носили кардинальный характер, но в целом последовательно продолжали те идеи, с которыми Гаспринский выступал в своей активной просветительской и реформаторской деятельности с начала 1880-х гг.

Литература

1. Что нам нужно? *Переводчик-Терджиман*. 1883. 23 сентября.
2. Kirmse S. *The Lawful Empire. Legal change and imperial diversity in late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. 341 p.
3. *Новая имперская история Северной Евразии*. Ч. 2. Герасимов И. (ред.). Казань: Ab Imperio; 2017. 630 с.
4. Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017;(7–3):397–431.
5. Тихонова Н. Роль газеты «Терджиман» в процессе модернизации российских тюрков-мусульман на рубеже XIX–XX вв. *Научная мысль Кавказа*. 2019;1:42–47.
6. Lazzerini E. Ismail Gasprinskii's Perevodchik/Tercüman: a clarion of modernizm. *Central Asian Monuments*. Paksoy H.B. (ed.). Istanbul: Isis Press; 1992, pp. 143–156.
7. Tuna M. *Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire and European Modernity, 1788-1914*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 276 p.
8. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения мусульманина. Гаспринский И. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2017. С. 82–111.
9. Сегодня мы намерены сказать два слова... *Переводчик-Терджиман*. 1888. 15 октября.
10. Ответ газете «Зия». *Переводчик-Терджиман*. 1883. 12 октября.

Тихонова Н.Е.

Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи

11. Газета «Крым». *Переводчик-Терджиман*. 1890. 11 марта.
12. От редакции. *Переводчик-Терджиман*. 1893. 25 февраля.
13. Важная инициатива. *Переводчик-Терджиман*. 1883. 8 мая.
14. Крымско-мусульманское собрание. *Переводчик-Терджиман*. 1905. 25 ноября.
15. Записка казанских мусульман. *Переводчик-Терджиман*. 1905. 15 марта.
16. *III Всероссийский мусульманский съезд*. Казань: Издательство Харитонов; 1906. 16 с.
17. Мусульманский митинг. *Переводчик-Терджиман*. 1905. 2 ноября.
18. Крымско-мусульманское собрание. *Переводчик-Терджиман*. 1905. 23 ноября.
19. Тифлисские газеты сообщают... *Переводчик-Терджиман*. 1888. 4 ноября.
20. Steinwedel Ch. *Threads of empire. Loyalty and Tsarist authority in Bashkiria, 1552-1917*. Bloomington: Indiana University Press; 2016. 383 p.
21. Свобода и Туркестанский край. *Переводчик-Терджиман*. 1905. 7 ноября.
22. Мусульмане-чиновники. *Переводчик-Терджиман*. 1888. 11 октября.
23. Гаспринский И. *Кясб ва тиджарат мухарабасе*. Бахчисарай: Матба'а-и Тарджуман; 1889. 16 с.
24. Русско-мусульманский институт. *Переводчик-Терджиман*. 1884. 20 ноября.
25. Об окончивших Симф. татар. учит. школу. *Переводчик-Терджиман*. 1904. 9 июля.
26. Две стипендии. *Терджиман*. 1913. 7 июля.
27. Ахмед-ага Бекиров. *Переводчик-Терджиман*. 1903. 22 декабря.
28. Разные вести. *Переводчик-Терджиман*. 1904. 1 июня.
29. Медресе Зынджырлы и его порядки. *Переводчик-Терджиман*. 1890. 6 ноября.
30. Уничтожение тунейдства. *Переводчик-Терджиман*. 1890. 7 декабря.
31. Важное время. *Переводчик-Терджиман*. 1905. 25 марта.
32. Крымская депутация в С.-Петербург. *Переводчик-Терджиман*. 1905. 27 мая; 31 мая; 3 июня; 7 июня.

References

1. Chto nam nuzhno? [What do we need?]. *Perevodchik-Terjiman*. 1883. September 23. (In Russian and common Turkic)

2. Kirmse S. *The Lawful Empire. Legal change and imperial diversity in late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. 341 p.

3. *Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrasii* [New Imperial History of the Northern Eurasia]. Part 2. Gerasimov I. (ed.). Kazan: Ab Imperio; 2017. 630 p. (In Russian)

4. Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017;(7–3):397–431.

5. Tikhonova N. Rol' gazety "Terjiman" v protsesse modernizatsii rossiyskikh tyurok-musulman na rubezhe XIX–XX vv. [The role of the "Terjiman" newspaper in the process of modernization of Russian Muslim Turks at the turn of 20th century]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus]. 2019;1:42–47. (In Russian)

6. Lazzerini E. Ismail Gasprinskii's Perevodchik/Tercüman: a clarion of modernizm. *Central Asian Monuments*. Paksoy H.B. (ed.). Istanbul: Isis Press; 1992, pp. 143–156.

7. Tuna M. *Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire and European Modernity, 1788–1914*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 276 p.

8. Gasprinskii I. Russkoye musul'manstvo. Mysli, zametki, nablyudeniya musul'manina. [Russian Mohammedanism: Thoughts, Notes, Observations of a Muslim]. Gasprinskii I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete set of I. Gasprinskii's works]. Vol. 2. Kazan-Simferopol': Sh. Marjani Institute of History; 2017, pp. 82–111. (In Russian)

9. Segodnya my nemeremy skazat' dva slova... [Today we are going to say a few words...]. *Perevodchik-Terjiman* [Translator]. 1888. 15 October. (In Russian and common Turkic)

10. Otvet gazete "Ziya" [A response to "Dhiya" newspaper]. *Perevodchik-Terjiman*. 1883. October 12. (In Russian and common Turkic)

11. Gazeta "Krym" [The "Krym" ("Crimea") newspaper]. *Perevodchik-Terjiman*. 1890. March 11. (In Russian and common Turkic)

12. Ot redaktsii [From the editors]. *Perevodchik-Terjiman*. 1893. February 25. (In Russian and common Turkic)

13. Vazhnaya initsiativa [An important enterprise]. *Perevodchik-Terjiman*. 1883. May 8. (In Russian and common Turkic)

14. Krymsko-musul'manskoye sobraniye [Crimean Muslim gathering]. *Perevodchik-Terjiman* [Translator]. 1905. November 25. (In Russian and common Turkic)
15. Zapiska kazanskikh musul'man [A letter from Kazan Muslims]. *Perevodchik-Terjiman*. 1905. March 15. (In Russian and common Turkic)
16. III Vserossiyskii musul'manskii s'ezd [The Third All-Russian Muslim Congress]. Kazan: Kharitonov Publishing; 1906. 16 p. (In Russian)
17. Musul'manskii miting [Muslim meeting]. *Perevodchik-Terjiman*. 1905. November 2. (In Russian and common Turkic)
18. Krymsko-musul'manskoye sobraniye [Crimean Muslim gathering]. *Perevodchik-Terjiman*. 1905. November 23. (In Russian and common Turkic)
19. Tiflisskiye gazety soobshchayut... [Tbilisi newspapers report...]. *Perevodchik-Terjiman*. 1888. November 4. (In Russian and common Turkic)
20. Steinwedel Ch. *Threads of empire. Loyalty and Tsarist authority in Bashkiria, 1552–1917*. Bloomington: Indiana University Press; 2016. 383 p.
21. Svoboda i Turkestanskiy kray [The Freedom and Turkestan District]. *Perevodchik-Terjiman*. 1905. November 7. (In Russian and common Turkic)
22. Musul'mane-Chinovniki [Muslim civil servants]. *Perevodchik-Terjiman*. 1888. October 11. (In Russian and common Turkic)
23. Gasprinskii I. *Kasb wa tijarat muharabasi* [Craft and Trade wars]. Bakhchysarai: Matba'at-i Tarjuman; 1889. 16 p. (In common Turkic)
24. Russko-musul'manskii institut [Russian-Muslim institute]. *Perevodchik-Terjiman*. 1884. November 20. (In Russian and common Turkic)
25. Ob okonchivshykh Simf. Tat. Uchit. Shkolu [On graduates of the Simferopol Tatar Teacher's School]. *Perevodchik-Terjiman*. 1904. July 9. (In Russian and common Turkic)
26. Dve stipendii [Two scholarships]. *Terjiman*. 1913. July 7. (In Russian)
27. Ahmed-aga Bekirov. *Perevodchik-Terjiman*. 1903. December 22. (In Russian and common Turkic)
28. Raznye vesti [Various news]. *Perevodchik-Terjiman*. 1904. June 1. (In Russian and common Turkic)
29. Medrese Zyndzhyrly i ego poryadki [Zinjirli Madrasa and its rules]. *Perevodchik-Terjiman*. 1890. November 6. (In Russian and common Turkic)
30. Unichtozheniye tuneyadstva [Elimination of social parasitism]. *Perevodchik-Terjiman*. 1890. December 7. (In Russian and common Turkic)

31. Vazhnoye vremya [An important time-period]. *Perevodchik-Terjiman*. 1905. March 25. (In Russian and common Turkic)

32. Krymskaya deputatsiya v Sankt-Peterburg [Crimean delegation to Saint-Petersburg]. *Perevodchik-Terjiman*. 1905. May 27; May 31; June 3; June 7. (In Russian and common Turkic)

Информация об авторе

Тихонова Надежда Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

About the author

Nadezhda E. Tikhonova, Cand. Sci. (History), Research Fellow in the Centre for Historical Research of the National Research University «Higher School of Economics» (HSE University), Saint-Petersburg, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 03 июля 2022

Одобрена рецензентами: 04 августа 2022

Принята к публикации: 04 сентября 2022

Article info

Received: July 03, 2022

Reviewed: August 04, 2022

Accepted: September 04, 2022